

Михайло Михайлов.
Вперед, войне навстречу...⁶

Бывает так, что когда человеку становится особенно тяжело, на него вдруг нападает приступ смеха, который сотрясает, доводит до колик, до безудержных слез. Александра Зиновьева, ученого, известного специалиста в области логики и социологии, природа наделила ранимой душой писателя, в котором беспощадная сатиричность совместилась с простодушием и

⁶ Континент, № 24, с. 363.

порой почти детской беспомощностью. Мы привыкли к Зиновьеву саркастичному, парадоксально-язвительному, гротескно-фантастическому, но такого сочетания всех этих свойств с обнаженным человеческим страданием, как в «Пара беллуме», не встречалось, пожалуй, ни в одном из его произведений.

Впрочем, начнем по порядку. «Пара беллум» — это сатирико-психологический детектив, в котором жестокому осмеянию подвергаются как современное советское, так и западное общества. Действие разворачивается, в соответствии с детективной композицией, то в Советском Союзе, то в Западной Германии, а подоплека событий основана на автобиографическом материале, доведенном до трагического финала. Героев всего только три, причем один из них — Социолог — является прототипом самого автора, остается фигурой бездействующей, как бы маячащей за кулисами событий и объявляющей о себе чисто риторически — самоцитированием статей, трактатов и социологических исследований. Социолог живет в Западной Германии и становится той самой «дичью», за которой охотится второй герой повести, советский шпион-убийца по кличке Немец. Немец относится к категории засланных на Запад многочисленных «подрывников», которыми КГБ не особенно дорожит, не обменивает, не отсылает в случае провала или ненадобности, а просто уничтожает. Немец и сам знает, что является смертником, однако относится к этому как к неизбежности и не впадает в панику. Приказы он получает непосредственно от шефа, третьего, и главного, героя повести, именуемого по-зиновьевски коротко Западником.

Автор не скрывает, что под этим обозначением скрывается конкретное лицо — ныне умерший крупный советский сановник, один из важнейших руководителей того отдела КГБ, который ведал в свое время активностью в странах Запада и выработал долговременную программу дезорганизации общественного сознания в западных странах. Поведение, образ жизни и карьера этого человека ставятся в центр повествования, а его деятельность определяет основные сюжетные линии произведения. Раскрытие этого персонажа помогает уяснить, что же представляет из себя группа загадочных серых невзрачных существ, которые планируют в Москве судьбы и жизнь ничего о том не подозревающего населения планеты и приводят свои чудовищные планы в исполнение.

Этапы «славного пути» Западника и восходящая линия его карьеры банальны до отвращения: еще в стенах университета несколько удачных предательств, умелое маневрирование и сбрасывание с дороги потенциальных противников, умелые манипуляции по втиранию в доверие к генсеку Андропову — и воцеленные позиции почти неограниченной власти надежно укреплены. Всю эту механику Зиновьев прекрасно знает, десятки подобных карьер разворачивались у него на глазах, и в повести подчеркивается этот момент рассказом о личной судьбе, так как именно Западник был его университетским товарищем и именно под его руководством осуществлялась операция «Социолог». Идеи и замыслы Социолога враждебны Системе, поэтому его вышвыривают на Запад, где он не так опасен, где его легче обезвредить и дискредитировать, где, в конечном итоге, его легче всего морально сломить и уничтожить.

Здесь-то в повествование и вплетается та режущая по сердцу нота, которая делает «Пара беллум» таким непривычно, не по-зиновьевски горестным и беззащитным. Вещь эта самая личная и доверительная из всего, им созданного, писатель рассказывает об «операции», произведенной над ним, раскrojившей его душу и сломавшей жизнь. Самое гнусное в ней то, что он был присужден режимом «к сверхвысшей мере наказания — к полному, пронзительному, ледяному и испепеляющему одиночеству... Страшная вещь — тоска по покинутой Родине. Но еще страшнее тоска по Родине, которой для него уже нет, никогда уже больше не будет». Это уже позже, в начале 1987 года, в обращении к Третьей эмиграции Зиновьев произнесет полные достоинства и веры в свою миссию слова о том, что вышвырнутые за пределы Родины — это те же повстанцы, которые сумели восстать против собственного социального строя, и что надо

мужественно идти до конца пути, предназначенного историей. В книге же, в этом до какой-то степени личном дневнике, автор не произносит высоких слов, он полностью отдается охватившему его чувству.

Однако писатель не был бы самим собой, если бы отбросил в сторону свой злой и опасный юмор, свою способность разить противника смелыми и неожиданными парадоксами. Само название повести несет в себе перевертыш, неожиданную игру слов: парабеллум • — это и вид оружия, и древнее изречение, гласящее, что тот, кто хочет мира, должен готовиться к войне. Последним, собственно, и занимается Западник, подчиненное ему ведомство и, в конечном итоге, все руководство гигантской, ошетиненной штыками державы. Они ведут хитрую игру по заморочиванию Запада, который хотят парализовать страхом перед грядущей атомной войной, для них важна не реальная советская мощь, а воображаемая.

Зиновьев потешается над западными руководителями, которые помогают Советскому Союзу бороться против Запада, над бесконечно ведущими переговоры о разоружении — «...из-за стола переговоров не вылезают... если и вылезают, то чтобы сменить протертые этими переговорами штаны», потешается над миротворцами, которые в один прекрасный момент превратятся в генералов. Он полагает, что Великая война все-таки разразится, причем в такой момент, когда никто не будет ее ждать, и что эту «войну богов будут вести ничтожества».

Пока же суд да дело, разворачивается саркастическое описание того, как советская правящая верхушка лихорадочно оборудует глубинные, непроницаемые для ядерного излучения убежища. Тут и шикарно отделанные пещеры с запасом необходимого на двести лет, и какие-то немислимые бункера, предназначенные для спасения избранных, которым будет суждено стать родоначальниками нового человечества. Простые люди ведут себя иначе. Некая старушка, пережившая четыре войны и три революции, припасает мыло, спички и соль. Комиссия обнаруживает у нее огромные запасы означенных продуктов. Отпущенная судом на поруки, старушка шипит, что ее не заставят издохнуть, что прежде советская власть издохнет, чем она!

Карьера самого Западника плачевно обрывается именно из-за его чрезмерно ретивой подготовки к войне. Вместо того чтобы, достигнув вершины власти, вцепиться в нее ногтями и зубами, он замышляет честолюбивый Проект предупредительной войны. В этом Великом плане наворочено много всякой всячины, в том числе идея особого военного государства в обычном и проект создания Великой кнопки, которую, в случае войны, нажмет не кто иной, как сам Западник. Этот несчастный забыл закон перманентной борьбы за власть в советских верхах: для того, чтобы удержаться на посту, руководителю надо стать «брежнеобразным ничтожеством».

Как недавно стало известно, в Копенгагене состоялся Всемирный конгресс сторонников мира. Этот «свободный и демократический форум защитников мира» готовился... в Москве. Выступавшие там западные деятели объявили, что нынче человечеству грозит ядерное уничтожение, а потому такие вещи, как справедливость, борьба за права человека и открытость общества, должны отойти на задний план. И это отнюдь не писательские домыслы, а самая реальная и обыкновенная наша действительность. Так что иногда позволишь себе усомниться — а уж настолько ли парадоксальны парадоксы Зиновьева? И он, который с гневом пишет, что в СССР для осуществления мизерных реформ «требуются десятки лет ожесточеннейшей борьбы руководства страной против своего народа», тут же добавляет: «Единственная сфера советского общества, в которой планы строго выполняются, • — это агентурная работа». Этой-то агентурной работе и посвящается немалая часть «Пара беллума».

Трудно судить, имеет ли в данном случае место присущий в произведениях прием гротеска или дело обстоит именно так, однако почему-то веришь звучащему совершенно фантастически заявлению автора: «Устроить бы сейчас международный Конгресс советских агентов на Западе... Съехались бы со всего мира видные политики, дипломаты, священнослужители, генералы, ученые, артисты, спортсмены, художники, писатели, гангстеры... Мир содрогнулся бы

от ужаса». Далее писатель объясняет, что агентурная война — это прекрасно разработанное советским руководством проникновение целой армии агентов на территорию Запада, это физическое присутствие в теле противника, подобно микробному, вот почему советская агентурная война названа им «паразитарной», а главной ее задачей считается «разрушение внутренних самозащитных механизмов данной страны, ее деморализация и дезорганизация».

Один из рядовых солдат этой армии — Немец — рыскает по всей Западной Германии в поисках необходимых данных, в вылавливании военных секретов, в попытках подкупа чиновников различных фирм и ведомств. Немец — это винтик гигантского налаженного механизма, и одним из аспектов его работы является физическое уничтожение неугодных руководству лиц. По ходу повести не совсем ясно, почему Западнику становится ненужен обезвреженный и деморализованный на Западе его противник Социолог. Ведь сам же Зиновьев пишет, что идеи Социолога были полезны его университетскому товарищу, он постоянно их воровал, прочитывая все написанное изгнанником и применял в своей работе на практике.

Как бы то ни было, неизбежное свершается, читатель лишь по беглому намеку догадывается, что Немец убивает Социолога, но, как видно, Таинственной Высшей силе неугодно такое бесцеремонное ликвидирование одного из выдающихся представителей человеческого племени. Так что и Немец, по приказу все того же Западника, отправляется коллегами по работе на тот свет. Итак, гибнет и второй герой «Пара беллума». Всесильный Западник все сметает и сокрушает на своем пути. В его лице выступает сама Власть, когда она, как это бывает у советских бонз, сконцентрирована в руках одного человека. Впрочем, есть сила, перед которой самое упорное страшилище с мохнатыми бровями становится беспомощной куклой, прикованной к аппарату, заменяющему почки. Эта сила — время и смерть. Причем в случае со своим героем Зиновьев не ждет естественного развития событий, это не входит в суть детективного повествования — третий герой его повести Западник умирает быстро, скоропалительно, сразу же за гибелью тех, кого он приговорил к смерти.

Но автору ничуть Западника не жаль. Чутьочку усмехаясь, он рассказывает, что и Западник не Бог весть как боялся смерти. Гораздо мучительнее было для него узнать, что некролог ему дадут не по высшей категории — в центральной газете, с подписью лиц всего руководства, — а в заштатной газетенке и с безликой подписью «группа товарищей». Для советского чинуши «некролог не по чину» страшнее атомной бомбы.